

Ну вот, дети — разъехались на каникулы, и в замке наступила тишина... От Ужаса Подземелий, наверное, ожидают слова «благословенная»... но нет — проклятая тишина!!!

Каникулы — ненавистное время... На каникулах в замке нет учеников, не взрываются котлы, почти не происходит нарушений дисциплины... и мне некого ненавидеть. Некого... кроме себя. Весь учебный год я прячусь за свою злость, за яркие эмоции, которые во мне вызывают люди, пришедшие учиться прекрасному и таинственному искусству зельеварения... и упрямо не желающие хотя бы попробовать понять то, что я им говорю. Да, я знаю, что я — плохой, очень плохой учитель, я никому не могу передать то наслаждение, которое дарит «красота медленно кипящего котла»...

Я с удовольствием покинул бы Хогвартс, свернулся в клубочек и, наверное — быстро умер бы. Но... Вот именно. «Но». Есть кое-что, что пугает меня больше смерти.

Азкабан. Даже два месяца заключения после смерти Лили показали мне, что там я не выдержу. Смерть была бы избавлением. Смерть. Но не безумие. Раз за разом, вновь и вновь слышать смех того, кто когда-то был кумиром, слышать слова смертельного проклятья... Пусть я и не видел, как она погибла, но представлял во всех подробностях. Я выдержал два месяца... но был уже на грани. Наверное, это была бы справедливая плата за то, что я сделал... но я слишком слаб, чтобы уплатить ее. Я дрогнул. И когда Дамблдор сказал мне, что из Хогвартса я смогу уйти только в Азкабан... Это оказалось больше, чем я смог бы выдержать.

Отпивая глоток рубинового горького вина, я вспомнил, как точно так же пил вино другой... мальчишка, с ненавистным лицом Джеймса. У него своя боль и своя вина... которой, я, честно говоря, не понимал. Он не желал того, что произошло, и не мог и не должен был предвидеть предательства... Я же...

Я смотрю сквозь кроваво-красное вино и вижу...

...

Радостный и гордый, я вхожу в зал, где расположился Темный лорд. Да, конечно, эта война, развязанная светлыми, не далась ему легко: волосы его потускнели, лицо осунулось, и временами становится какого-то нездорового цвета, а в глазах мелькают красный искры... Но он все еще великий лидер и великий вождь. Он обязательно приведет нас к победе. И тогда мы сумеем добиться отмены дурацких законов, введенных продажным Министерством в лживой и лицемерной «заботе о магглах и магглорожденных». И прежде всего отменен будет запрет Покровительства. Древние и могущественные рода смогут забирать таких детей, каким был я, из разваливающихся семей, где юных волшебников боятся и ненавидят. И тогда Волшебный мир воспрянет от той спячки, в которую его погрузил Статут Секретности. Инквизиторы знали, что делали, когда навязывали нам этот Статут... И ведь большинство волшебников считает, что Статут был установлен Визенгамотом по собственной воле. Они не помнят и не хотят помнить о проигранной войне, и те из них, кто вообще задумываются об истории Волшебного мира, считают, что никакой войны не было... либо что волшебники ее выиграли. Смешно... Конечно, в учебниках Хогвартса рассказывают про волшебников, которые по семь-восемь раз позволяли себя сжигать, про блестящие победы над отдельными инквизиторами, про... в общем — про многое. Но эти учебники совершенно упускают из виду тот факт, что отдельные блестяще выигранные стычки совершенно не повлияли на результаты войны, которая и была вдребезги проиграна. Статут секретности превратил некогда могучие магические кланы в вырождающиеся семьи, отрезанные от какого бы то ни было влияния на большой мир. Правда,

нельзя не признать, что простецам это пошло на пользу. Их прогресс просто-таки рванулся вперед, лишенный сдерживающих факторов в лице долгожителей-традиционалистов. Но есть некая ирония судьбы в том, что первыми, по кому ударил этот самый прогресс — оказалась победительница в войне. Церковь.

Однако оставим магглам — магглово. А вот по волшебникам Статут ударил гораздо сильнее, чем по Церкви. Раньше маги активно искали Обретенных, забирали их в кланы и воспитывали подобающим образом. Так что дети, вступая в волшебный мир четко понимали, что этот мир может дать им, и что — они должны дать ему, обладая определенными социальными связями и однозначным статусом. Сейчас же Обретенные в одиннадцать лет влетают в совершенно незнакомый и непонятный им мир, который они стараются сделать знакомым и понятным, то есть — переделать под себя. Началось с запрета Покровительства. Ведь «ребенку гораздо лучше оставаться в семье». А то, чыл необученный и неконтролирующий свои способности ребенок-маг в семье магглов — это кошмар в первую очередь для этой самой семьи, не способной справиться с выплесками его Силы. А уж то, что нам с трудом удавалось торпедировать появление организаций типа «Союза аболиционистов», грозящих домовиками геноцидом под самыми благовидными предложениями «свободы» и «равенства» — это не иначе, как чудо самого Мерлина. Так что мне страшно даже подумать, что будет, если Вальпургиевы рыцари проиграют... Что сотворят с волшебным миром уверенные в собственном всезнании невежды, которые готовы годами без перерывов рассуждать о равенстве и братстве, но столь же готовые наложить в штаны при одной только мысли, чтобы побеседовать с оборотнем, пусть даже днем и в новолуние...

— Проходите, Северус. Присаживайтесь. — Темный лорд обращался ко всем одинаково... за крайне небольшим исключением. И заслужить, чтобы Лорд сказал тебе «ты»... Это воспринималось всем и рыцарями как знак отличия, редкий, но тем более ценный. — Похоже, у Вас все получилось, как и рассчитывали наши аналитики?

— Да, Мастер. — Я склонил голову и опустил на указанный мне стул. — Похоже, Дамблдор все-таки впал в маразм...

— Не стоит. — Прервал меня Волдеморт. — Унижая противника, даже словесно — вы рискуете недооценить его. Может быть, Дамблдор и не является «сильнейшим волшебником столетия», но уж «одним из сильнейших» — является точно.

— Но как еще можно объяснить то, что он устроил собеседование с соискателями двух преподавательских должностей в Хогвартсе — в «Кабаньей голове»?

— Двух? — Задумчиво протянул Лорд, и опустил подбородок на переплетенные пальцы. — Кто еще?

— Сивилла Трелони пыталась устроиться на должность преподавателя Предсказаний. Но, кажется, она и на собеседование пришла... подшофе. Иначе, с чего бы ей такую чушь нести: «Близится тот, у кого хватит сил одолеть Темного лорда...»

— Так. Стоп. — Прервал меня Волдеморт, и щелкнул пальцами. — Сейчас сюда доставят Омут памяти. Мне нужно это твое воспоминание, с момента как ты вошел в «Кабанью голову», и до момента, когда ты ее покинул.

Омут памяти действительно «доставили», и быстро. Он влетел в окно на руках парящего дементора. В комнате похолодало, и ощутил, как вновь вишу вверх ногами на глазах у Лили...

Власть Лорда над этими существами, проявившаяся уже в ходе войны, неизменно восхищала

Вальпургиевых рыцарей. Но вот встречаться с ними все старались как можно меньше.

Я на мгновение встретился взглядом с серыми глазами Лорад, в которых все чаще и чаще взблескивали алые искры, а потом приставил палочку к своей голове и вытянул серебристую нить воспоминания, и погрузил ее в Ому. Знал бы я тогда, что я делаю!

<http://tl.rulate.ru/book/69516/1849805>